

Посредническое Действие и Развитие

Б.Д. Эльконин*,

ФГНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия,
belconin@bk.ru

В статье строится представление о возможностях продолжения культурно-исторической концепции Л.С. Выготского в современности. Сам акт опосредствования представляется как проблема и объект изучения — как Посредническое Действие. Посредническое действие становится в пробах утверждения значения знака человеком, которому он обращен. Утверждение значения есть освоение самого перехода «натуральное—культурное». Здесь значение обретает функцию образца действия. Образец выступает как объект совместного действия и строится как отношение и граница между требуемым и иным. Далее Посредническое действие разворачивается в освоение образца как системы опор активности. Освоение системы опор есть включение действия в пространство его возможностей — поле. Включение в пространство возможностей требует индивидуализации действия. Освоение границ пространства возможностей как пределов реализации намерения есть построение Личного действия.

Ключевые слова: Опосредствование, посредническое действие, присутствие, уместность, развитие, переход, образец, значение, опора, поле, смысловое поле.

I

Пожалуй, самым важным в размышлениях о современности культурно-исторической концепции Л.С. Выготского является представление о том ее заново прочтении, относительно которого возможно опробование новых перспектив. Такое представление важно, потому что многие категории, как самого Выготского, так и его последователей — «деятельностников», мнятся «уже понятыми», становятся «общими местами». Потеря интриги концепции, ее использование лишь как авторитетного подтверждения каких-либо суждений — симптом ее перехода из созидательного в «музейное» существование. А раз так, то настало время попыток полагания новых горизонтов культурно-исторической и деятельностной психологий, для чего необходимо выявление их латентных (подразумеваемых, но не выделенных) допущений и не поставленных, но потребных в логике самих концепций вопросов.

II

Психология конца XIX — начала XX в. была направлена на «выставление», выведение в явленность «психики как таковой». Вызов этой психологии — классически-научное, экспериментальное изучение «психических явлений». При этом психика понималась и изучалась как находящийся «в» индивиде источник его активности (Апперцепция, Воля), а результат самой активности понимался и изучался как Представление — видение (полагание) чего-либо вне себя.

Для цитаты:

Эльконин Б.Д. Посредническое Действие и Развитие // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 3. С. 93—112.
doi:10.17759/chp.2016120306

* Эльконин Борис Данилович, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией, ФГНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия. E-mail: belconin@bk.ru

В классическом бихевиоризме активность живых существ (и человека в том числе) понималась и экспериментально воссоздавалась как реакция на стимулы. Это положение многократно критиковалось, но, принимая критику, важно заметить и отметить, что при этом впервые то, что ранее называлось психикой, было неявно представлено как определенный способ существования в Мире (как мире стимулов разной силы).

Гештальтпсихологи в полемике с бихевиоризмом определили Мир как мир незамкнутых структур и, тем самым, задали место активности как замыкающего структуру акта — творческого акта, в котором преодолевается «функциональная фиксация прошлого опыта» [16].

Само «перемещение» психического явления «из» индивида в Мир и дискуссии о том, каким образом устроено его место в Мире (как реактивность или как продуктивность) — существенное изменение дискурса. Именно здесь возникают вопросы о том, как нечто, именуемое «психическим», строится и функционирует именно таким образом, что способствует (или препятствует) актам включения индивида в Мир. И сам этот «Мир» также должен быть определен в своем отношении к индивиду — отношении стимуляции, включения в структуру, нормирования через «коллективные представления» или же «... как потенция (выявляемая и осуществляемая возможность) опор выраживания психического в функции способов «вхождения» в его, Мира жизнь, ее о-свое-ния.

III

Культурное Событие, именуемое «Культурно-историческая концепция Л.С. Выготского», связано

с несколькими ключевыми представлениями, значение которых необходимо воссоздать. Я предлагаю свою версию их понимания, пользуясь преимуществом рассмотрения и интерпретации как ситуации мышления самого Выготского, так и ситуации после него и вплоть до современной.

Представление о «преодолении натурального в культурном», можно понять как представление об условиях *присутствия* Сознания и Психики¹: Сознание и Психика не есть данности, не предлежат и не «где-то находятся», а именно вы-ступают, являются лишь в определенном переходе, усилении, действии (и воссоздании этого «икс-действия»). Уже ставшая и «овладевшая» поведением скрытая форма его осуществления — и есть стихия натурального, которая может иметь разные «личины» — молекулярно-информационную (ген), стимульную, форму нормативного предписания («культурную»). *Натуральное поведение — это поведение, включенное в некую форму вне акции или в сокрытости акции самого включения.* Открытие и построение *формы* (связности) своего поведения — Акт Развития.

Словосочетание «психологическое орудие» говорит о том, что «культура» и «значение»² присутствуют в поведении лишь и именно как способы включения «мира» в поведение индивида, а через это и его поведения в мир. Их «задание» — преодоление скрытых детерминант поведения, и, тем самым, переход к *построению* самим человеком формы своего поведения (переход к произвольности). Представление, знание поменяли место *результата* активности (какое они имели в классической психологии) на место *средства* построения и воссоздания этой активности — ее «ловушки» (по удачному выражению А.А. Пузыря [33]). Здесь и возникает ключевой вопрос о том, как посредством значения строится поле активности, т. е., словами Выготского, — «актуальное будущее поле» [13] или, в дальнейших работах, «смысловое поле» [12] — некая «проекция» значения в «местность» поведения.

Суждение о «переходе интерпсихической формы в интрапсихическую» предполагает, что изначальное «место» психики не «в» отдельных индивидах, а в их взаимном обращении — обращении одного к другому посредством «психологического орудия». Тем самым, предполагается, что психика и сознание не могут быть положены (изучены) отстраненным наблюдателем, а требуют для своего выявления (объективации) активного участия Другого — Другой строит их «ловушку». Таково требование к методикам «двойной стимуляции», составляющим ядро «экспериментально-генетического» («генетико-моделирующего») метода исследования. Именно на этом методе базируется «неклассическая психоло-

гия» (Д.Б. Эльконин [42]). Здесь, в удачных случаях построения экспериментального геноза, возникает вопрос об *условиях*, при которых «экспериментатор» действительно присутствует в поведении «испытываемого», обретает свое место в нем и обретает его таким образом, что «общение» претворяется в «психологическое орудие» — опору поиска и опробования самим испытываемым формы своей активности. В той мере, в какой это происходит, значащее слово экспериментатора так осваивается («вращивается») испытываемым, что его «мысль совершается», т. е. *становится* в этом слове.

В беглом описании-интерпретации «узлов» концепции Л.С. Выготского и, соответственно, того «поворота», который в ней был сделан, становится понятным, что было преодолено в исследовательском мышлении, но остается вопрос о том, было ли нечто сохранено и, если да, то что. Интенциональным объектом, ноэмой «довыготскианской» психологии при всех ее перипетиях и дискуссиях был способ существования сознания. Здесь концентрировались исследовательские вопросы и задачи. Открытия Выготского относятся к этому же объекту. Это именно сознание возникает, выступает и развертывается в своем системном и смысловом строении лишь в процессе опосредствования, и поэтому именно оно существует лишь и именно культурно-исторически. Однако в мыслях Л.С. Выготского «слышатся», неявно присутствуют и другие вопросы — вопросы к иному объекту.

Тексты Выготского неявно содержат *утверждение свершения* актов опосредствования. Но ведь интерпсихическая форма возникает и строится, лишь *если* знак (значение) *становится* психологическим орудием. И лишь *если* это происходит, то преодолевается натуральная форма активности и строится психологическая система. И лишь *при этом условии* феноменальное поле преодолевается в смысловом. Мысль Л.С. Выготского опирается на *удачные случаи* опосредствования. Но ведь само опосредствование нельзя мыслить *натуралистично* — как «культурную автоматизацию», некую *безусловную действительность* «культуры», а саму культуру представлять как «детерминирующую способность»³, заменившую другой, биологический, вид детерминации.

IV

Историческим началом Теории Деятельности можно считать образование «Харьковской группы» учеников и последователей Л.С. Выготского — их расхождение с Выготским. Само это расхождение глубоко переживалось всеми участниками, о чем сви-

¹ После работ М. Хайдеггера, т. е. задаваясь вопросом о способе Бытия таких сущих, как психика, сознание, значение, действие. Впрочем, и без ссылок на Хайдеггера, П.Я. Гальперин, отвечая на подобный вопрос, утверждал, что психика присутствует в мире в функции ориентировки — наметки опор будущего действия [14].

² Требует специального анализа эволюция понимания Выготским значения («работы» знака) от «Психологии искусства» через «Историю развития высших психических функций» к VII главе «Мышления и речи».

³ Тем более, принимая во внимание историческую линию превращения некоторых культурных форм в «симулякры» [7].

детельствуют не только устные воспоминания⁴, но и публикации [27, с. 231–235].

Ключевым вопросом текстов А.Н. Леонтьева того периода является вопрос о том, что стоит «за значением». Ответом на вопрос было утверждение, что «за значением» стоит внешнее предметное действие. Замечу, что значение понималось лишь со стороны своего «устройства» — как обобщение (согласно работам Выготского), но не в своей функции (опосредствования). Именно это строение значения (слова) испытывалось в экспериментах [8; 14; 21; 27] и на их основании утверждалось, что обобщение строится посредством переноса способа внешнего действия с одной предметной ситуации на другую.

В экспериментах П.Я. Гальперина Харьковского периода [14] реальное орудие выступило как первоначальное «психологическое орудие»; выступило в той мере, в какой человек действует «по логике орудия», преодолевая «логику руки».

В исследованиях Харьковской группы значение-обобщение было отделено от действия и представлено как «вторичное», производное от внешнего действия, каковое и выступило как исходное, «первичное». Спустя 20 лет в теории планомерного формирования умственных действий П.Я. Гальперина такое положение внешнего действия (по терминологии Гальперина — «материального действия») было упрочено. *Концепция опосредствования приобрела гносеологическое звучание.*

В знаменитых экспериментальных исследованиях А.Н. Леонтьева и его сотрудников по генезису ощущения и формированию звуковысотного слуха был поставлен вопрос о соотношении предметного действия и представления (ощущения, восприятия). Было показано, что предметное действие исходно в формировании образа. Но исходно в случаях активных проб воссоздания облика предмета. В этих пробах у испытуемых строились новые «функциональные органы», посредством которых «ощупывалась» либо скрытая, либо с трудом воссоздаваемая реальность. Можно утверждать, вспоминая логику и акценты Л.С. Выготского и преобразовывая гносеологический модус в онтический, что здесь сама телесность индивида строилась как орган. Психофизиологическая система человека выступила как Способ — способ явления неявленного и, тем самым, способ построения предмета действия.

Для А.В. Запорожца условием возникновения произвольного движения является его превращение в ощущаемое движение, т. е. обретение индивидом интероцептивного («внутримышечного») чувства собственного движения⁵. В замечательных экспериментах А.В. Запорожца и М.И. Лисиной было воссоздано возникновение подобных «внутренних» ощущений и управление ими. Связывая это открытие с интерпретацией экспериментов А.Н. Леонтьева

ва, можно утверждать, что психофизиологическая система индивида становится органом действия при условии связности внешней и внутренней моторики⁶, связности экстеро- и интероцепции. Что же их связывает?

Краткое описание «узлов» деятельностной теории можно завершить двумя критическими вопросами.

Что есть интерпсихическая форма активности, согласно ключевым исследованиям А.Н. Леонтьева? В протоколах и описаниях экспериментов нет места действиям экспериментатора в ходе эксперимента. Он присутствует как создатель ситуации, уходящий в сторону при включении в ситуацию испытуемого. Соответственно, в интерпретациях и выводах действие иногда прямо, а иногда по умолчанию приписывалось испытуемому, как бы «принадлежало» ему. Так что же, когда говорится «действие», имеется в виду действие индивида, а не сама «интерпсихическая форма»?

В эксперименте А.В. Запорожца и М.И. Лисиной — другой разворот. Поворотный пункт эксперимента, задавший его успех, — это показ самому испытуемому экрана осциллографа с записью, «рисунком» динамики его «внутрилических» реакций; экран экспериментатора *поворачивается* к испытуемому. Однако же в анализе и выводах А.В. Запорожца, также как и А.Н. Леонтьев, приписывает действие самим испытуемым. Вместе с тем, в текстах всех «деятельностников» говорится об «общественной природе» и психики, и деятельности. Похоже, что присутствие Другого в построении действия воспринималось как нечто само собою разумеющееся, не требующее специального анализа и поэтому «выносилось за скобки», ему не находилось места в самой исследуемой активности. А ведь экспериментатор (Другой) создавал Поле активности испытуемого — «поле образа действия», как говорил и писал П.Я. Гальперин.

В текстах «деятельностников» существенное место занимают суждения о сущности категорий Мотива и Цели. Однако в ключевых экспериментальных исследованиях эти сущности не воссоздавались как особые феномены (в большей степени приписывались, чем «выставлялись»). Может возникнуть впечатление, что мотив и цель суть некие представления, извне «приставленные» в зачин и завершение индивидуальной активности, в ее переходные «точки». Что же есть содержание действий по инициации, т. е. переходу к выполнению и переходу к завершению, и как оно соотносится с содержанием «действия самого индивида»?

Анализ текстов «деятельностников» (как и текстов Выготского) подводит к мысли о флуктуациях Объекта исследований. С одной стороны, — это «классический» объект — образ, мысль, т. е. «психические явления». Именно их экспериментальный генез строился тем или иным способом. Однако в самой дискуссии Учеников

⁴ Д.Б. Эльконина.

⁵ Положение о роли интероцепции в построении движения — ведущая тема работ Н.А. Бернштейна (также, как Л.С. Выготский и Ж. Пиаже, родившегося в 1896 г.) [6].

⁶ «Внутренняя моторика» — термин самого А.В. Запорожца [23].

Выготского со своим Учителем и в их экспериментальных исследованиях «спрятан» и другой Объект — само построение действия как особой *формы* активности, т. е. «спрятан» Акт Опосредствования построения действия, придания активности *формы* действия. Здесь уместно вспомнить слова Э.Г. Юдина⁷ о том, что в Теории Деятельности сама деятельность выступала как объяснительный принцип, а не как предмет исследования.

V

Переход к изучению самого акта опосредствования и, тем самым, полаганию этого акта как исследовательского Объекта, по моему разумению, датируется выходом статьи Д.Б. Эльконина «Заметки о развитии предметных действий в раннем детстве» [42]. Этот поворот был продолжен в моих работах [38; 39; 40]. В них акт опосредствования был назван Посредническим Действием (ПД).

Отмечу специально, что, изучая ПД (сам акт опосредствования), т. е. строя условия его выполненности (полноты экспериментального генеза), уже нельзя апеллировать к таким понятиям, как «развитие», «культура», «действие», «общение», «смысл» и др., как говорящим о неких самопонятных данностях. Некритично принимаемое за «данность» станет действительно данным и понятным в поиске условий рождения акта развития, культурной формы, общения, формы действия, смысла и др., выхода «на свет» способа их «жизни».

Говоря в терминах Д.Б. Эльконина, ключевым вопросом и Выготского, и последователей теории деятельности был вопрос о том, каким образом человеку (ребенку) занять место в обществе (стать «взрослым»). Полагаю, что этот вопрос надо дополнить противоположным вопросом о том, каким образом обществу («взрослым») занять место в стихии становления активности человека («ребенка»). При чем так занять место, чтобы эта стихия становления не прекращалась, замещаясь какой-либо внешней ей стимуляцией, а, наоборот, приходила к полноте своей формы — форме *собственного* действия. Лишь выполнение этого требования позволяет говорить о связи опосредствования и развития⁸ — исходном принципе и, в то же время, основном искомом как культурно-исторической, так и деятельностной теорий⁹.

Требование обретения места одного человека в становлении активности другого, т. е. требование *уместности* придает опосредствованию статус не социальной лишь, и даже не социо-культурной, а *экзистенциальной* ситуации становления человека. Тем самым еще более акцентируется необходимость представить сам Акт Опосредствования, само Событие ПД, а не лишь последствия его удачного выполнения, как *интенциональный объект современной культурно-исторической психологии*.

IV

Первое, что предстоит понять, анализируя ПД, это условия появления (рождения) и устройство интерпсихической формы, т. е. самой ситуации совместности (со-в-местности) посредника и «посредствуемого» — ситуации «вклинивания»¹⁰ психологического орудия в спонтанную активность. Важно, что это ситуация явственности *перехода*, «поворота» активности, и сам этот переход должен быть принят — отмечен и удержан, а не лишь незаметно пройден. Ощутимая переходность — условие внятия адресованному обращению посредника, т. е. осмысления ситуации активности через его обращение. Здесь необходимо отметить, что значение становится психологическим орудием, лишь указывая на нечто и, тем самым, *выделяя* нечто из обстановки («среды»)¹¹. В этом смысле, обращенное значение есть Действие, что-то высветляющее и акцентирующее (усиливающее), а что-то, наоборот, прячущее и «заслоняющее»¹². Означивание есть перефокусировка обстановки активности. Однако же для «посредствуемого» это осветление, выделение и смещение акцентов не становится явным лишь в силу обращения к нему посредника. Ему предстоит опробовать, испытать и в этом испытании *воссоздать значение в материале собственной активности*. Лишь в этом случае можно говорить о том, что обращение *утверждено* и, в этом смысле, состоялось — совершилось означивание, а с ним и Событие ПД: ПД родилось как адресованное, как *Вызов*¹³. *Что* же утверждено в обращении посредника, какой его аспект?

Утверждение обращения взрослого ребенком, знаменующее становление психологического орудия, есть придание словам-указаниям взрослого *функции* Об-

⁷ В кн. «Системный подход и принцип деятельности» (М.: Наука, 1978).

⁸ И это особенно актуально в современной социокультурной ситуации, где симулякры строятся как «психологические орудия», т. е. симулируется опосредствование [7; см. также: 34].

⁹ См.: Д.Б. Эльконин о связи функционального генеза и онтогенеза [41].

¹⁰ Метафора Д.Б. Эльконина в анализе исторического происхождения периодов детства и Л.Ф. Обуховой в анализе ситуации опосредствования [31].

¹¹ В слове, взятом лишь как устройство обобщения, указательно-акцентирующая функция снята, «схоронена». Словами Гегеля, значение-обобщение есть «значение в себе». Предстоит еще отличить данное значение от иного («земноводные — это НЕ ...»), но так отличить, чтобы само различие можно было сделать предметом анализа («земноводные — НЕ пресмыкающиеся», а не — «НЕ мебель»). В правильном указании на иное и последующем анализе самого различия (отрицания) значение выступит в своей полноте.

¹² Л.С. Выготский, приводя изменение акцента во фразе «вначале было дело» (а не слово) и говоря, что дело было лишь «в самом начале», т. е. является неразвитой, примитивной формой мысли [10, с. 360], не имеет в виду, что само слово в ситуации означивания есть Дело.

¹³ В статьях о возникновении предметных действий в раннем возрасте Д.Б. Элькониним и мной приведены описания феноменов утверждения ребенком опосредствующего обращения взрослого [40; 42].

разца и, соответственно, пробам ребенка — функции испытания образца, *утверждения слова-жеста взрослого как образца*. В этих пробах ребенок испытывает и строит собственный Образ действия [40; 42]. Именно опробует, испытывает и строит, а не непосредственно «перенимает». Допущение и практикование непосредственного «перенимания», «впечатывания» образцов в поведение — вредная презумпция и практика традиционного массового обучения, в которой нивелируется именно воссоздание *перехода* к новой форме активности — нивелируется акт развития.

Образец имеет две стороны: во-первых, открытую — то, «что и как надо», и, во-вторых, скрытую, латентную, лишь *имеющуюся в виду* — то, «что и как не надо». Сущность образца — *отношение* «можно» и «нельзя», а не лишь образ «правильного» [39, с. 173—180]. Однако именно это *отношение* не дано и должно быть воссоздано. В самом простом «делаю вот так» не открыто, что такое «не так»; «не так» — не в смысле абстракта «всего остального», кроме «правильного», а «не так» именно этого «так».

Приведу несколько примеров.

Мальчик полутора лет знает слово-жест «но-но» («нельзя»). Стоя у лужи, он сам себе делает этот жест и, глядя на стоящего рядом отца, наступая ногой в лужу. Мальчику надо испытать и ощутить, как выглядит это «нельзя» — как выглядит ситуация *границы* действия [40].

В классической работе Л.Ф. Обухова по введению мерки для формирования понятия о количестве у 6-летних детей и, тем самым, преодоления известных феноменов Пиаже, приводятся интересные детские ответы [32]. Сравнивая объемы воды, перелитой из одинаковых сосудов в разные, многие дети говорят: «Воды одинаково, но *кажется*, что стало больше». Налицо противопоставление того, что «кажется», и того, что «на самом деле», — противопоставление своего спонтанного и иного («верного») видения; противопоставление своего же прошлого и нового понимания. Полагаю, что именно таково свидетельство подлинности освоения.

В экспериментах по опосредствованию решения задач «на соображение»¹⁴ вводились специальные знаковые средства, с помощью которых строился образ, задававший то пространство действий, в котором решение невозможно. В этом символе непосредственные попытки достижения результата, диктуемые «провокативным» устройством условий задачи, оформлялись как определенный *способ* действия и, тем самым, подобный символ-образ выступал как «образец» тупикового хода решения. Верное решение строилось и достигалось, т. е. строилось иное пространство возможных действий, в пробах

преобразования самого образа неверного хода мысли. Спонтанность выступала, объективировалась как явственность и определенность образа пространства (не)возможных действий. В пробах отрицания этого и построения иного образа открывалось пространство действий, приводящее к решению задачи [39].

В работе Е.А. Бугрименко [9] условная позиция строилась и исследовалась как способ воссоздания эквивалентности различных серий, т. е. как способ воссоздания эквивалентности *отношений*. Например, увеличение цветовой насыщенности (белый, серый, черный круги одинакового размера) надо было представить, как подобное увеличению размеров в серии одноцветных квадратов. В экспериментах был выстроен переход *от* отношения к своему действию и действию другого человека, как выполненному либо правильно, либо неправильно, к пониманию «неправильного» действия, как имеющего некое иное основание (выполненное из иной позиции).

Итак, образец действия становится данным в его воссоздании и освоении как *отношения*, связности «этого» и «иного» (как положительного представления «не этого»). В простых случаях образец становится данным при воссоздании в действии явственности границы (в приведенном примере — границы лужи). Образец, а вместе с ним и Посредник *есть*, *присутствует* как указание на *переход*, как своеобразная «точка отсчета», «ноль» в некоей «системе координат»¹⁵. Именно таково *место* посредника, таково условие *уместности* и продуктивности ПД. Однако, как уже говорилось, это место по своей сути не может быть данным и занять его можно лишь в инициации опробования-испытания самого перехода, скрытого в образце.

В пробах обнаружения и воссоздания смысла психологического орудия — его «образцовости» — взаимность персонажей ПД осуществляется как «отношение реальной и идеальной форм» [38; 42]. С тем примечанием, что Идеальная форма присутствует здесь именно как точка и система отсчета, *требующая* обнаружения и воссоздания. В отношении идеальной формы вопрос о ее содержании, о том «каков ее смысл, *про* что он», заданный в презумпции «уже существования» смысла и «уже удержания содержания», должен быть предварен вопросом о способе существования смысла, о том, *как смысл (идея) ЕСТЬ*¹⁶, *держится* в становлении активности.

По результатам наблюдений и экспериментов [39; 40] можно уверенно говорить о двух ключевых условиях удержания смысла-значения психологического орудия в ПД.

Первое условие — *обратимость знаковой операции*¹⁷. Маленький ребенок не копирует обозначающее

¹⁴ Согласно работам М. Вергеймера и К. Дункера, это задачи требующие для своего решения Продуктивного Мышления.

¹⁵ Здесь важно вспомнить размышления М. Хайдеггера о «Ничто сущего» как «просвете» [35; 36].

¹⁶ В отличие от работы «Введение в психологию развития» (далее переиздававшейся под названием «Психология развития»), где Идеальная форма понималась как совершенное действие, здесь я настаиваю на понимании способа включенности Идеальной формы в действие.

¹⁷ Л.С. Выготский говорит об «обратном» отнесении знака к исходному стимулу в работе «Орудие и знак в развитии ребенка», имея в виду «обратное действие» «стимула второго порядка» (знака) на «стимул первого порядка» [13, с. 64 и др.]. Я же имею в виду другое, скорее, противоположное отношение между обозначающим и обозначаемым.

(например, слово-жест «Ай-ай-ай!»), а *воссоздает* его в материале обозначаемого, т. е. своей собственной телесности, обращая это воссоздание взрослому (как бы говоря: «Так ты *это* имеешь в виду?!») [см.: 40]. В уже приводившемся примере знакового опосредствования решения задач символ, обозначающий пространство возможностей действия, не копировался, а воссоздавался в *другом* материале — материале тех вещей, манипуляция которыми требовалась в условиях задачи. Обозначающее и обозначаемое менялись своими местами (функциями), и таково *акцентирование* значения, его установление и восстановление в самом телесно-предметном действовании.

Вторым критично важным условием выполненности ПД является возникновение того, что М. Бахтин называл «чувством собственной активности порождения» [4]. В уже упоминавшемся исследовании А.В. Запорожца и М.И. Лисиной было показано, что чувство собственного движения является необходимым условием возникновения произвольного действия [22]. Чувство собственной активности возникает на *переходах* ритма усилий и, тем самым, является свидетельством того, что в ПД действительно ухвачен переход, «поворот», преобразование — в их отличии от инерции функционирования.

Четыре положения могут стать предварительным заключением к рассмотрению интерпсихической формы ПД.

1. В той мере, в какой ПД рассматривается как *Событие совокупного действия*¹⁸, а не естественный факт «общения», оно выступает в способах *утверждения значимости* ситуации обращения. Утверждение значимости осуществляется в пробах понимания и воссоздания значения психологического орудия. Таково признание и утверждение *присутствия*, т. е. *уместности* обращения Посредника.

2. Пробы воссоздания значения психологического орудия есть придание ему функции образца. Именно *опробование и испытание* образцового начала есть *необходимый* способ принятия психологического орудия. Необходимый, поскольку сущность образца, снятая в его облике, — это практическое полагание *различия*, т. е. *отношения* действий, а не лишь указание на одно из них. Как «различитель» образец требует не копирования в подражании, а *испытания перехода* от одного действия к другому. Лишь в таком переходе «натуральное» *становится* как «культурное». Указание образца на переход есть обретение им функции «точки отсчета» в выполнении действия.

3. Образец, проигранный и испытанный как точка отсчета, — это Идеальная форма, «нашедшая» свое место и вступившая в отношение к реальной.

4. Утверждение образцовости образца строится как обратное отображение значения психологического орудия, его акцентирование-усиление в материале предметно-телесных, обращенных посреднику проб.

В подобном опробовании перехода, открываемого в образце, пробуждается чувство собственной активности действующего.

V

В предыдущей части статьи было разобрано ПД как интерпсихическая форма. Предстоит разобрать эволюцию ПД — переход к интрапсихической форме, т. е. индивидуализацию действия.

Совместное со взрослым открытием ребенком граничного существа образца действия требует предметного представления границы (как лужи, кочки, порога и т. п.) — того, где требуется *опора* (первоначально — взрослый как опора). Опоры осваиваются там и тогда, когда строятся *процессы* действия — *система* «поворотов» в действии¹⁹. И это новая ситуация ПД. Здесь образец, осваивавшийся ранее как особый *объект*, открывается и выступает в функции опоры, т. е. *средства* построения действия. Ситуация *обнаружения и выявления* образца преобразуется в ситуацию его систематического *применения* в новых обстоятельствах.

Неверно молчаливо допускать, будто процессы развития «составлены» из отдельных «экземпляров» опосредствования (овладение горшком, ложкой и т. п., а через несколько лет — сложением, умножением, чтением и пр.). Действие как связка актов осваивается при попадании ребенка и взрослого в *стихию* некоего изменения [40]. Например, в стихию движения (ходьбы) в раннем возрасте или в стихию устной речи в младшем школьном. Стихия — это скрытый ритм (форма) становления и этим ритмом предстоит овладеть. Овладеть при том, что энергия стихии (например, инерция движения в процессе ходьбы или смысловые «инерции» беглой устной речи) часто превышает актуальные возможности ребенка. Однако же овладеть не значит прекратить или заменить чем-либо другим. (Можно себе представить такое «обучение ходьбе», при котором возникнет угроза потенции движения).

Итак, опора есть способ включения образца в стихию, в энергетически «большее», чем отдельный акт, становление. Здесь необходимо отметить, что представление об опоре лишь как способе удержания процесса действия является односторонним. Опора, будучи «проекцией» образца в «местность» действия, *амбивалентна* [3, с. 19–21]. В ней движение *и держится, и возобновляется* — движущийся человек *отталкивается* от опоры, возобновляя энергию движения. В опоре детские «так» или «вот» должны становиться у-становкой к движению, а не его о-становкой и ступором²⁰. Опора есть «старт», а старт рискован, поскольку предполагает «попадание» в инерцию усилия — необходимый момент

¹⁸ «Совокупное действие» — термин Д.Б. Эльконина.

¹⁹ Словами А.Н. Леонтьева, — система операций.

²⁰ По свидетельству Б.А. Архипова, подобные случаи не редкость в консультировании и терапии детских (точнее, детско-родительских) психофизиологических трудностей.

движения. Вместе с риском, включение в стихию активности есть фактическое, телесное (а не «рефлексивное») «вхождение» в состояние устремленности, «порыва», чувствуемое именно на «старте». Таково начало, именно *начало* того, что далее оформится²¹ и выступит как намерение.

Построение системы опор в «объемлющей» ПД стихии некоей активности есть освоение формы этой стихии, ее *ритма* — возобновление стихии как ритмичной. Включение в стихию активности — воссоздание связной *системы* опор — есть вовлеченность в ситуацию, предполагающую *время*²². Время — как состояние (длние) перехода усилий и как некое дальнейшее, в его отличии от настоящего и ушедшего. Как дальнейшее выступает пространство *возможностей* действия — его Поле²³. Развертывание ПД есть *освоение Поля действия*.

Именно переход от освоения образца как объекта к построению опор и установление в поле действия требует интериоризации и возникновения высших психических функций²⁴. Переход «извне внутрь» не может осуществляться вне преобразования способа осуществления ПД²⁵.

В связи со сказанным надо заметить, что индивидуализация ПД не является эволюционным, «линейным» процессом. В раннем детстве можно наблюдать сопротивление настойчивым попыткам взрослого вмешиваться в действие ребенка (сажать на санки, крепко держать за руку и т. п.).

VI

Итак, индивидуализация ПД предполагает «вращивание» самого акта опосредствования и его включение в *поле* действия. Важно, что это вращивание самого *акта* опосредствования, появление определенной «работы», *функции* «внутреннего плана» действия, а не лишь образа или мысли самих по себе. Эта «работа» связана с акцентированием и переакцентированием образа возможного действия — выделением в нем ключевых точек, точек «поворотов» его «трассы», т. е. опор действия. Таково построение «ориентировочной основы» действия²⁶. Поле, заданное возможностями самостоятельного построения опор действия, его ориентировочной основы, П.Г. Нежновым названо «функциональным полем» [30].

Согласно Л.С. Выготскому, самостоятельное выполнение какого-либо задания выступает как «уровень актуального развития» человека. Поле же, где

построение ориентировочной основы требует помощи другого человека, есть «зона ближайшего развития» [10, с. 246—255]. Вроде бы, все просто и понятно. Однако это лишь кажущаяся простота, в которой допускается *данность* актуального при переходе к «ближайшему».

В экспериментах А.А. Егоровой, которые строились согласно методике «двойной стимуляции» и в которых моделировалась связь между возникновением намерения и построением способа действия, был замечен интересный прецедент действий испытуемых [18; 39].

Испытуемые должны были различить разные геометрические формы лабиринтов, опираясь на их разные названия. Названиями были знаки (сочетания букв латинского алфавита), в которых были схожие и различные элементы (буквы). При этом самой формы лабиринта испытуемые не видели (лабиринт был помещен в закрытую коробку), но в коробку вставлялся шарик и по его движению внутри лабиринта, т. е., *ощутив* его траекторию (манипулируя коробкой), испытуемые могли вообразить форму лабиринта и зарисовать свое предположение²⁷. Задания (лабиринты) предъявлялись по принципу методики на уровень притязаний: 4 легких задания, 4 — среднего уровня и 4 — трудных. Легкость и трудность определялись как мера «замысловатости» формы лабиринта, т. е. через легкость и трудность представления его формы по ощущению движению шарика.

Нас заинтересовал способ действия, часто встречавшийся у детей 11 лет и старше. Когда ребенок затруднялся с определением формы лабиринта, он *возвращался* к уже пройденным легким заданиям и, поработав с ними, снова переходил к заданию, вызвавшему затруднения. И делал он это по собственной инициативе, без указания экспериментатора. Ребенок действовал вопреки «вектору» намерения, его движение в линии (поле) заданий было не линейным, а возвратно-поступательным. Такова специальная работа по *превращению* предыдущего действия в *опору* последующего — *построение* актуального. Прошлое еще *должно быть превращено* в опыт и в этом превращении *актуализировано* как средство для дальнейшего. Так *развертывается* поле возможного действия²⁸. Его развертывание, понятое из логики опосредствования как построения опор (способа) действия, включает *связность* всех трех ипостасей времени — и будущего, и прошлого, и настоящего²⁹, — а не лишь двух — будущего и настоящего.

Введенное П.Г. Нежновым понятие «функционального поля» задает феномен поля в горизонте по-

²¹ В удачных случаях.

²² И опять — не рефлексивно, а фактически.

²³ Словами Л.С. Выготского, «актуальное будущее поле» [13].

²⁴ Связности образа и движения, речи и мысли о ней, выражающейся в интонировании речи и др.

²⁵ Именно эти переходы — изменения способов присутствия ПД пока не удается смоделировать в экспериментальном генезе и, тем самым, связать функциональный генез и онтогенез [41].

²⁶ В контексте данной статьи: в той мере «развития человека», в какой это развитие его Действия — развертывание индивидуальной формы ПД.

²⁷ См. выше о рождении внутренней перцепции в опосредствовании: ощутить форму лабиринта можно было лишь «приведя руку в чувство» [17].

²⁸ Похожая, но еще более затрудненная ситуация была представлена в примере опосредствования решения задач «на соображение».

²⁹ Эту связность в развертывании психофизиологических систем Б.А. Архипов назвал «триплетом» [2; 3].

нимания границ развертывания способа действия, как бы, «из» способа действия — связанной системы опор, т. е. как *Поля Выполнения* действия. Проведенный анализ свидетельствует о том, что поле выполнения, взятое в *развертывании* ПД, вопреки инерции значения слова «поле», не есть некая обозримая, предуготовленная данность хода действия, его «трассы». В образе этого поля должны быть отмечены повороты, изломы и изгибы хода действия — места построения опор — как *задачи* его выполнения. Акценты и фокусировки образа действия суть *означивания* поля выполнения и тогда поле выполнения есть *смысловое* поле, а само выполнение — «динамическая смысловая система» [19; 20]³⁰. Лишь и именно в означивании-акцентировании возможных переходов, их «освещении», действующий *присутствует* в «местности». Обретение активностью «места в ...» и есть возникновение ее Поля. Однако же здесь активность должна выступить не только как связывание отдельных «частей», а в целом, как *одно Действие*³¹. Что же есть это единство-единственность действия?

VII

И Л.С. Выготский в работах последнего периода [10; 12], и К. Левин, говоря о Поле, имели в виду не столько поле выполнения, сколько поле *зачина и завершения действия* — поле как *Поле намерения* [25].

Указаний на освоение системы опор как на сокращение способа действия, и тем самым приведение его к целостности, недостаточно. Необходимо понять, что *обнажается* в «снятии» опор; обнажается, когда способ действия лишь «имеется в виду». Уже говорилось о конфликтах вокруг «своего», собственного действия и отказе (иногда и агрессивном) от помощи взрослого. Конфликты вокруг «своей» игрушки и «своего» пространства можно наблюдать и на детской площадке, в песочнице [40]. Полагаю, что «борьба» за свою активность, свое пространство и свою вещь — это симптоматика возникновения и утверждения действия как «моего действия»³².

В возрасте около двух лет, когда ребенок уже относительно уверенно и самостоятельно ходит, можно наблюдать его своеобразную игру со взрослым: ребенок специально отходит на все большее расстояние от взрослого, как бы дразня и провоцируя его. Само расстояние обыгрывается как *границы* пространства детского «могу». Важно, что это границы пространства действия взятого целиком, а не границы, преодолеваемые в ходе, процессе выполнения действия. Посредник «отходит» на границу действия, которое снова превратилось в акт, обращенный ему как «спор» об усилении «смочь», о различии «могу—не могу».

³⁰ Возникновение у Выготского и проработка им представлений о смысле, поле и смысловом поле обстоятельно исследована в работах К.Ю. Завершневой [19; 20].

³¹ Словами М. Бахтина, — «единое и единственное Событие Бытия» [5].

³² Именно «мое действие» редуцировано в традиционной школе, где при всех словах о «ценности» самостоятельности учения действия ученика безусловно утверждаются лишь в способе их оценивания учителем, т. е. «принадлежат» учителю и образовательному институту.

³³ Не надо, однако, полагать, что действие возникает «из» «Я». Наоборот, выставленность «Я» возникает в цикле развертывания ПД.

Границы в действии могут обернуться границами самого действия, когда поле действия, как бы «оживает», *встречая* действующего, действуя навстречу его усилиям. Например, море начинает штормить, дорога становится скользкой, лес непроходимым и т. п. В замечательной работе «Военный ландшафт» К. Левин описал подобные преобразования поля действия [25]. В детско-взрослой жизни поле действия как *поле встреч* часто выступает во встречах с людьми, препятствующими детским стремлениям [40]. Например, во встречах с кем-либо устрашающим или, попросту, родителями, которые не разрешают что-либо сделать. Именно такие препятствия характеризуют известный «кризис трех лет».

Поле встреч устроено как полагание *предела* возможностей и выступает как Вызов действующему. Его стремление испытывается и утверждается как Ответ на вызов, опорой и «точкой отсчета» которого становится сама «сила», концентрированная энергия действующего. «Мое действие» превращается в «Я-действие» [39, с. 162—166]. «Я» выступает³³ как Исток Активности, в котором задание предела и требование завершения переосмысливается и совершается как Вызов и новый Зачин действия («подвиг»). Действие выступает как *личное*, а его олицетворение — как образ-символ «силы “Я”». Здесь действие является как единое и единственное.

В детстве культурной формой представления личного действия является волшебная сказка. Актуализация существа ее интриги (вызова и ответа на вызов), т. е. «героического» действия, осуществляется в полной форме сюжетно-ролевой игры [43; 44]. В игре ребенок испытывает и осваивает само стремление и намерение.

VIII

Завершая статью, надо сделать три существенных примечания, в которых выявить латентные допущения, задававшие ее развертывание.

1. Рассматривая ход развертывания ПД, надо обратить внимание на одно обстоятельство, которое оставалось «в тени». Таким обстоятельством являются изменения характеристик самого *хода, процесса* развития на разных его «отрезках». В употреблении слова «развитие», прежде всего, имеются в виду изменения того, *что* развивается. В данном случае — преобразования формы ПД. Однако же на разных стадиях ПД по-разному развивается, по-разному «протекает» и «вьётся». Подсказкой здесь является работа А.Ф. Лосева [29], в которой он, того специально не отмечая, перешел к аналитике развертывания

и соответствующей иерархии форм самих *процессов* (становление—движение—изменение—развитие—действие—созидательное действие—творческий акт). При этом очень похоже, что такая иерархия строилась по логике восхождения от абстрактной ко все более конкретной форме процесса.

В логике статьи важно не столько определение качеств разных процессов, сколько сам подход. Ведь ПД предполагает преобразование стихийного *становления* активности в процессы *изменения* (чувствование и опробование перехода), а далее — *движения* — установление точки отсчета. Наконец, «перенос» точки отсчета «в» самого индивида в дальнейшем (младшем школьном возрасте) предполагает опосредствование как преодоление эгоцентризма и новое построение действия, в котором опоры образуются в *процессе* решения задачи³⁴.

2. В статье говорится о посредничестве как Действии. Необходимо установиться в понимании этого термина.

ПД понимается как развернутое во времени *продуцирование*. В Продуктивном Действии есть два связанных аспекта. Во-первых, *порождение* какого-либо изделия. Порождение как *преодоление* подготовленных способов выполнения действия — преодоление копирования. Во-вторых, *обращение вовне* самим созданным изделием и образование поля *его собственного* действия — «публикация» [38; 39.]. В обращении испытывается сама событийность созданного — то, является ли созданное «поворотом» рассмотрения. И *если* является, *если*³⁵ становится «точкой отсчета», то возникает собственное поле произведения. Действующий становится Автором, т. е. личностью. В Продуктивном Действии Автор *присутствует* именно в переходе, промежутке между порождением и выставлением.

В ПД, понятом как продуцирование, связаны три модуса его завершенности. Во-первых, *продуктивность*. Продуктом ПД является Образец (Идеальная форма) как явственность отношения (различия). Именно здесь является и утверждается значение и значимость обращения. Во-вторых, *результативность*, где результат понимается не просто как дости-

жение чего-либо, а как «дельта» достижений («сегодня сделал лучше, чем вчера») ³⁶. Результатом ПД является освоение «посредствуемым» критериев совершенствования действия³⁷. В-третьих, *эффективность*. Эффектами ПД являются возникновение собственного поля действия «посредствуемого» и, связанное с этим, возникновение психологических систем.

3. Остается последний вопрос о ПД. И все-таки, зачем же нужно опосредствование как *переход* к построению собственных опор и выращиванию собственного поля действия? Ответ Л.С. Выготского и его последователей понятен: опосредствование — это способ выращивания Произвольности человеческой активности, т. е. подлинной человеческой самостоятельности и инициативы, выращивание Свободного действия (В.П. Зинченко) [23; 24]. А если, следуя за Э. Гуссерлем, «вынести за скобки» культурно-ценностные допущения важности и необходимости самостоятельности, инициативы и свободы? Прделав эту процедуру, мы оказываемся перед странным вопросом о том, *способом* «питания» *чего* является само произвольное и свободное действие. Здесь и требуется переход к предельным экзистенциальным характеристикам человеческой практики.

Уже говорилось о том, что Посредничество есть означивание *перехода* и вместе с этим усиление чувства собственной активности другого человека [39, с. 181—199]. Таково задание значения как психологического орудия. Это задание выполняется в случаях, когда сам «посредствуемый» собой возвращает, как бы «обратно отображает» и усиливает значащее содержание; своею телесностью выделяет, усиливает, акцентирует его переходы-ритмы (как, например, чеканный шаг усиливает стройность марша). Подобные обмены суть усилители энергии жизни, «витальности» [1], и как усилители они возможны лишь в воссоздании *собой* значения, т. е. как *переходы* к произвольности действия. **Усиление и воссоздание Энергии Жизни — предельное экзистенциальное задание Посредничества**, а через него и **Акта Развития**. Развитие — усилитель жизненности жизни. Таков предельный смысл концепции Л.С. Выготского.

Литература

1. *Александрова Л.А.* Субъективная витальность как личностный ресурс [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3(17). URL: <http://psystady.ru> (дата обращения: 1.07.2016).
2. *Архипов Б.А., Максимова Е.В., Семенова Н.Е.* Уровень тонической регуляции как основа формирования психики ребенка // Психотерапия. 2010. № 5. С. 24—33.
3. *Архипов Б.А., Эльконин Б.Д.* Язык антропотехнического (посреднического) действия // «Антропопраксис». Ежегодник гуманитарных исследований. 2011. С. 5—16.

4. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.
5. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
6. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 349 с.
7. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «Постум», 2016. 239 с.
8. *Божович Л.И.* Речь и практическая интеллектуальная деятельность ребенка (экспериментально-теоретическое исследование) (Ч. 4) // Культурно-историческая психология. 2007. № 2. С. 2—10.

³⁴ Понятно, что в удачных случаях процессы онтогенеза на этом не заканчиваются.

³⁵ В этих «если» состоит серьезный риск продуцирования, рискованность его пробы и игры («ставки»).

³⁶ Об этом писал Л.С. Выготский в статье «Диагностика развития и педологическая клиника трудного детства» [12]. Ныне такой подход возрождается под руководством Б.И. Хасана в гимназии «Универс» г. Красноярск [37, с. 17—25].

³⁷ В повседневности это может быть обращение за оценкой, выразительный (и часто немой) вопрос о завершенности.

9. *Бугрименко Е.А.* Знак и позиция в экспериментально-генетическом методе // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 80–91.
10. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
11. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
12. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: Педагогика, 1983. 369 с.
13. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. 397 с.
14. *Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии. Воронеж: НПО «Модэк», 1998. 480 с.
15. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 398 с.
16. *Дункер К.* Структура и динамика процессов решения задач // Психология мышления. М.: Наука, 1965. С. 86–234.
17. *Егорова А.А.* Феномены построения способа действия // Культурно-историческая психология. 2009. № 1. С. 96–102.
18. *Егорова А.А.* Построение ситуации собственного действия: способ действия и намерение // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 18–27.
19. *Завершинева Е.Ю.* Две линии развития категории «смысл» в работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 116–132.
20. *Завершинева Е.Ю.* Представления о смысловом поле в теории динамических смысловых систем Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2015. № 4. С. 119–135.
21. *Запорожец А.В.* Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1986. 296 с.
22. *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 429 с.
23. *Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
24. *Зинченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во МГУ, 1983. 164 с.
25. *Левин. К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. 568 с.
26. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
27. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: ранние работы. М.: Смысл, 2003. 439 с.
28. *Леонтьев А.Н., Запорожец А.В.* Восстановление движения. М.: Советская наука, 1945. 231 с.
29. *Лосев А.Ф.* Диалектика творческого акта (краткий очерк) // Контекст – 1981. М.: Наука, 1982. С. 48–78.
30. *Нежнов П.Г.* Опосредствование и спонтанность в модели «культурного развития» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 1. С. 133–146.
31. *Обухова Л.Ф.* Механизмы возникновения нового в развитии // У истоков развития: сб. науч. Статей / Ред. Л.Ф. Обухова, И.А. Котляр (Корепанова). М.: ГБОУ ВПО МГППУ, 2013. С. 24 – 33.
32. *Обухова Л.Ф.* Этапы развития детского мышления. М.: Изд-во МГУ, 1972. 152 с.
33. *Пузырей А.А.* Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005. 488 с.
34. *Смирнов С.А.* Форсайт человека (Опыты по неклассической философии человека). Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2015. 660 с.
35. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
36. *Хайдеггер М.* Гегель. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 319 с.
37. *Хасан Б.И.* Психолого-педагогические основания диагностики индивидуального прогресса // Мониторинг индивидуального прогресса учебных действий школьников. Красноярск: НФПК, 2006. С. 17–25.
38. *Эльконин Б.Д.* Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Тривола, 1994. 168 с.
39. *Эльконин Б.Д.* Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: Издательский дом «ERGO», 2010. 279 с.
40. *Эльконин Б.Д.* Событие действия (заметки о развитии предметных действий. II) // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. 2014. С. 11–19.
41. *Эльконин Д.Б.* Актуальные вопросы исследования периодизации психического развития в детстве // Проблемы периодизации развития психики в онтогенезе. Тезисы Всесоюзного симпозиума. М.: НИИ ОП АПН СССР, 1976. С. 3–5.
42. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 555 с.
43. *Эльconiнова Л.И.* Полнота развития сюжетно-ролевой игры // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 54–61.
44. *Эльconiнова Л.И., Бажанова Т.В.* Развитие формы сюжетно-ролевой игры // Культурно-историческая психология. 2007. № 2. С. 2–10.